

Есембеков Т.У., Айнабекова Г.Б.

**Ранняя проза М. Ауэзова
в координатах
экзистенциализма**

В статье говорится о сложности и многозначности ранней прозы великого казахского писателя М. Ауэзова. Рассматривается вопрос о диалоге философских мотивов в раннем творчестве М. Ауэзова, который демонстрирует глубинные течения его мыслей. Единство человека и мира, данного ему в непосредственных ощущениях – одна из основных тем ранней прозы писателя, где заметна экзистенциальная постановка некоторых проблем. «Судьба беззащитной», «Сирота», «Степные зарисовки» и другие рассказы следует изучать в таком плане. В этих рассказах событие, поступок, эмоция зачастую вторичны, поскольку первична мысль, ее почти автономная жизнь, интенция художника и мысль героя, часто моделируемые как ситуации.

Ключевые слова: экзистенциализм, творческая интерпретация, философская концепция, здешнее бытие.

Esembekov T.U., Aynabekova G.B.

**M. Auezov's Early Prose of in the
Coordinates of Existentialism**

The article deals with the complexity and multiple meaning of the great Kazakh writer M.Auezov's early prose. The question about the dialogue of philosophical motifs in the early works of M.Auezov gives effectual help to see the deepest currents of his thoughts. The unity of man and the world, given to him primarily in the direct sense is one of the main themes of the early prose of the writer, where existential posing of some problems is noticeable. «The fate of the defenceless», «The orphan», «Steppe sketches» and other stories should be also studied in this regard. Event, action, emotion of these stories are often secondary since primary are thought, its almost autonomous life, the artist's intention and the idea of the hero, often modeled as a situation.

Key words: existentialism, creative interpretation, philosophical conception, local existence.

Есембеков Т.У., Айнабекова Г.Б.

**М. Әуезовтің алғашқы
прозалары экзистенциализмнің
координаттарында**

Мақалада қазақ әдебиетінің ұлы жазушысы М. Әуезовтің алғашқы прозаларының күрделілігі мен көп қырлылығы сөз етіледі. М. Әуезовтің алғашқы прозаларындағы философиялық мотив диалогы оның ой-толғамының тереңдігін көрсетеді. Жазушының алғашқы әңгімелерінің басты тақырыптары болып табылатын жеке тұлға мен қоршаған әлем арасындағы бірігушілік тақырыбында кейбір экзистенцианалды мәселелер көрініс табады. «Қорғансыздың күні», «Жетім» сынды шығармаларын осы тұрғыдан қарастырған жөн болады. Бұл әңгімелерде суретші интенциясы мен кейіпкердің ойы көбіне қандай да бір жағдай ретінде бірінші кезекте беріліп отырғандықтан оқиға, іс-әрекет, эмоция екінші кезеңге түсіп отырады.

Түйін сөздер: экзистенциализм, шығармашыл интерпретация, философиялық концепция.

**РАННЯЯ ПРОЗА
М. АУЭЗОВА
В КООРДИНАТАХ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА**

Ранние рассказы М. Ауэзова с трудом вписывались в пространство казахской реалистической литературы начала XX века, стремление некоторых исследователей «втиснуть» творчество писателя в рамки критического реализма налицо. Однако уже в первых рассказах автора внешне бытовая простая сцена обнаруживает некие подспудные «пружины» поведения персонажей, управляемые законами человеческого существования. В историко-конкретных ситуациях заметно усиление общебытийных противоречий. Таким образом, традиционные мотивы, узнаваемый жизненный материал приобретали новую творческую интерпретацию.

Ранняя проза М. Ауэзова сложна и многозначна по своему эстетическому составу. Переходы писателя от сложности к очевидной простоте объясняются с помощью внешних описательных признаков. Думается, что продуктивными могли бы быть попытки рассмотрения сущностных внутренних мотивов творческих поисков, связей философских взглядов с конкретной жизнью, то есть важно непосредственное жизненное переживание философских концепций, постулатов, именно такое воплощение философских идей позволяет говорить об экзистенциальном типе мышления. Вместе с тем поиски взаимоперехода жизни и искусства характеризуют многозначность идейно-эстетических ориентиров художников слова. Разумеется, вряд ли уместно говорить об экзистенциализме в творчестве М. Ауэзова как сложившейся системе, и о его преобразующей роли в творческом акте, тем не менее можно констатировать наличие такого своеобразного взгляда на жизнь и культуру, на переживание человеком в его индивидуальном бытии явлений реальных и идеальных. В данном контексте следует обратить внимание и на то, что этот тип мышления был свойственен русским и европейским писателям, творчество которых было хорошо знакомо казахскому автору. Таким образом, вопрос о диалоге философских мотивов в раннем творчестве М. Ауэзова заслуживает отдельного анализа в целом, что окажет существенную помощь увидеть глубинные течения его мыслей. Конечно, этот диалог не следует понимать буквально, но интерес есть, он обусловлен и объективными, и субъективными факторами.

Когда кипели страсти около литературного переустройства, в своем творчестве

М. Ауэзов решал внешне незаметные, не вызывающие раздражения у оппонентов задачи. Писатель размышлял о драматизме «здешнего бытия», о месте и значении отдельной человеческой судьбы в решении «вечных» вопросов мирового порядка, о перепетиях человеческого существования. При этом «факт жизни» и авторское его переживание ложится в основу его рассказов, что связывает их с экзистенциальным типом мышления и культуры. Исходя из этих общих посылов, вполне допустимо предположение о том, что М. Ауэзов в определенной мере впитал своим художественным сознанием, может иногда и интуитивно, экзистенциальный способ мировосприятия и выражения. Возможно молодой писатель на своем жизненном опыте хотел проверить жизнеспособность философских учений.

Единство человека и мира, данного ему прежде всего в непосредственных ощущениях – одна из основных тем ранней прозы писателя, где заметна экзистенциальная постановка некоторых проблем. «Судьба беззащитной», «Сирота», «Степные зарисовки» и другие рассказы следовало бы изучить и в этом плане. В связи с этим необходимо особо оговорить то, что автор выделяет для себя две постоянные категории: сущность и явление – и ставит задачу осветить их в непростой жизни степняков. Явления этой сущности, сопровождающие жизнь героев М. Ауэзова, характер этого постижения, его направленность определяются одним качественным сознательным мироощущением особо популярным в начале XX века. Известно, что труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» произвел на современников глубокое впечатление» [1, 104]. Причиной всего сущего, по мнению философа, является всепроникающая воля, берущая начало за пределами умопостигаемого, она управляет не только природой, но и обдуманной, казалось бы, волей человека.

М. Ауэзова привлекала и проблема пределов, где человек остается без Бога, а следовательно без нравственных законов, которые делают человека человеком. Происходит деформация психики, которая оказывается неспособной воспринимать изуродованный мир вседозволенности. Поэтому смерть у писателя в бинарной оппозиции: смерть как трагедия и проверка ценностей прошлого, постижение потаенной сущности бытия. Вместе с тем заметен мотив рокового разобщения людей, бессильных в своем одиночестве. Его герои находятся в кризисной ситуации, на

границе между надеждой и отчаянием. Видения и Газизы, и мальчика предстают либо в форме сна, либо в форме бреда. В этих рассказах событие, поступок, эмоция зачастую вторичны, поскольку первична мысль, ее почти автономная жизнь, интенция художника и мысль героя, часто моделируемые как ситуации.

Представители экзистенциализма часто говорили о категории ничем не ограниченного пространства и о возможности образования вместо двух ранее изолированных сфер человека и окружающего его мира, единого – человек в окружающем его мире. «Здешнее бытие» мыслилось как единство пространственно – временного мира и человека, воспринимающего, одушевляющего своим переживанием, своим осмыслением этот мир.

Одушевленный человеком мир, Взаимопроникновение этих двух субстанций – Я и Мир – ставится во главу угла философии экзистанса. Такую ориентированность человека на окружающий мир принято называть интенциональностью. По мнению Гуссерля, интенциональное является самым существенным свойством сознания. Под интенцией философ подразумевает любое переживание человека, направленное на объект. В процессе одушевления мира важны степень, сила, контраст переживаний. Таким образом, сущность литературы и искусства составляет перемещение действительности и смешение человека в этом взаимном движении. В «Судьбе беззащитной» и в «Сироте» наблюдается авторское стремление именно к такому пути, где происходит встреча духовного «снихождения» с человеческим восхождением. Так следует интерпретировать отношения духа Кушикпая и Газизы в рассказе «Судьба беззащитной», образа бабушки и Касыма в «Сироте».

М. Хайдеггер попытался дать определение человеческому существу, которое не нанесло бы вреда, не упустило бы из виду его простую цельность. По мнению философа, человек сущее, существо которого в «бытии-вот», то есть в присутствии. [2, 406]. Он далее доказывает, что человек-то неопределимое, но вполне очевидное «вот», которое не состоит из разных элементов мира, а открытое всему как единственное место, способное вместить целое. Присутствие здесь не предмет, оно весомее вещей, но о нем нельзя сказать заранее ничего, кроме того, что оно есть. Человек якобы существует постольку, поскольку осуществляет возможности своего «вот». Присутствие – это нечеловеческое в человеке, его безданность, оно может быть доступно все-

му и всем быть захвачено от полноты бытия до провала в ничто. Во сне, наяву, мечтая, рассуждая и не рассуждая человек брошен в свою открытость. Не последняя среди его возможностей – упустить себя. Как раз прежде всего и чаще всего человек делает «как все люди». Безличные люди орудуют в нас и через нас вместо нас. Вне чистого присутствия прослеживаются одни причинно – следственные цепи, только в нем свободный просвет и поэтому только в него бытие и сущее могут войти своей истиной, а не только функцией. Об этой единственной собственной возможности присутствия не перестает говорить совесть, не давая прекратиться заботе о ближнем. В рассказе «Судьба беззащитной одинокий дом стоит не там, где живут «все остальные». Газиза не относится к насилию как другие смирившиеся люди. Она присутствует в этом мире, ибо она одушевляет Дух, именно он становится мерой вмещаемого им миром в душе юной девушки.

Экзистанс как исступление, выход, исход из себя, выраженный как своего рода экспрессивность – с одной, а собирание самого себя, возвращение к себе уже новому, выбравшему открывшийся мир, одушевленный человеческим «я», воспринимается многослойно. Этот сложный закон жителя по чувству лада, то есть закон гармонии человека в бытии и бытия в человеке, являющийся главным тезисом экзистанса наблюдается и в ранней прозе М. Ауэзова как смещение субъекта на объект. В рассказах резервнута картина и исторического, и географического, и духовного пространства, населенного духами предков и «здешними людьми». Суровая природа, тяжелый быт, моральное давление, безысходная ситуация ничто в сравнении с предательством перед духом предка, знаменитого ба-

тыра Кушикпая. Эти бедные, но стойкие духом женщины своим присутствием оставляют хоть крошечный клочок земли для присутствия в ней Духовного, которое является смыслом человеческого существования в мире. Ауэзовское бытие требует невозможного в то время: внимание к каждой личности. Ведь тогда, когда на устах многих звучали архисложные и малопонятные многим громкие фразы, решались якобы мировые проблемы, судьба личности, ее смещение в новых обстоятельствах мало кого интересовало. Трудно ответить на вопрос о том, что смогла бы Газиза влиться в состав новых людей, не признающих прошлое, оставаясь в пределах своего духовного воспитания. Надо полагать, что человеку, присутствующему «здесь» не всегда уместно судить о бытии, ведь оно судьба человека, если только человеку суждено вернуться к своему собственному существу, такие экзистенциальные мысли возникают при новом прочтении ранних рассказов М. Ауэзова. Вместе с тем ассоциативная цепь образов, совмещение разнородных начал, поиски новых связей между объектом и субъектом показывают наличие интенциональных тенденций в этих произведениях.

«Очеловечивание» духовной жизни, сознательное отношение к земному существованию заметно в рассказе «Сирота». В «Степных зарисовках» молодой писатель истинность жизни проверяет способностью каждого явления внушать сильное человеческое переживание, ощущение его. Уравнивание мира материального и духовного создает эффект «здешнего бытия». Таким образом, М. Ауэзов уже в начале XX-века для своих современников поставил вечные вопросы бытия, актуализировал экзистенциальные мотивы.

Литература

- 1 Шопенгауер А. Мир как воля и представление. – М., 2011. – С. 104.
- 2 Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Наука, 1993. – С. 406.

References

- 1 Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. – M., 2011. – S. 104.
- 2 Haydegger M. Vremya i bytie. – M.: Nauka, 1993. – S. 406.